

СТРУКТУРА И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПАНЕГИРИКЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

О.С. Казаковцева, Н.В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия;
olga_danilova90@mail.ru; nvpatr@list.ru*

Аннотация: В порядке расположения слов в русском литературном языке XVIII века, по наблюдению многих исследователей, еще не было устоявшейся нормы, однако грамматисты XVIII–XIX веков предпринимали в своих учениях попытки объяснить следование слов в предложении. Особую роль в закреплении норм словопорядка сыграли не только грамматики и трактаты по искусству красноречия, содержащие разделы о расположении слов и частей периода, но и произведения самих риториков и реформаторов русского литературного языка Петровской эпохи и последующего этапа.

В статье представлены результаты анализа словопорядка на примере компонентов 600 атрибутивных словосочетаний, используемых в панегирическом тексте Феофана Прокоповича «Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского...» (1725 г.), а также сопутствующее описание стилистического функционирования определений, участвующих в создании тропов и фигур речи.

Преобладающим положением в атрибутивных конструкциях в «Слове...» Феофана Прокоповича в целом является препозиция определения: препозитивный атрибут используется не менее чем в половине случаев в структуре двучленных словосочетаний, построенных по модели «согласованное определение + определяемое».

В панегирике Феофана Прокоповича атрибуты широко употребляются в роли однородных членов, наблюдается лексический и синтаксический повтор определения, способствующий амплификации, и чередование препозитивного и постпозитивного атрибута; используются конструкции с дистантным положением членов атрибутивного ряда, посредством параллельного расположения атрибутов подчеркивается противопоставление выражаемых признаков или объектов.

Атрибутивные конструкции в похвальных словах XVIII века являются стилистическим средством усиления экспрессивности выражения и создания торжественного пафоса. В качестве экспрессивно-стилистического средства ряды определений содействуют созданию портрета исторического лица (в данном случае — Петра Великого), которому посвящен панегирик, а также ярко-

му изображению его деяний, военных подвигов. Ряды метафорических эпитетов, повтор, параллелизм, амплификация, градация, антитеза и другие тропы и фигуры речи — важный в исследовательском плане материал, демонстрирующий корреляцию между средствами, представленными в трактатах по теории красноречия, и риторической практикой эпохи становления новых норм русского литературного языка послепетровского периода.

Ключевые слова: риторика; грамматика; атрибутивные словосочетания; порядок слов; русский литературный язык XVIII века; панегирик; Ф. Прокопович

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-5

Для цитирования: Казаковцева О.С., Патроева Н.В. Структура и экспрессивный потенциал атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 55–68.

THE STRUCTURE AND EXPRESSIVE POTENTIAL OF ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS IN THE PANEGYRIC OF FEOFAN PROKOPOVICH

Olga S. Kazakovtseva, Natalya V. Patroeва

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; olga_danilova90@mail.ru;
nvpatr@list.ru*

Abstract: In the word order in the Russian literary language of the 18th century, according to many researchers, there had been no strictly fixed norm yet, however the grammarians of the period between the 18th and 19th centuries made attempts in their teachings to explain the order of this or that part of speech. A special role in consolidating the norms of word arrangement was played not only by grammars and treatises on the art of eloquence, which contained chapters on the order of words and parts of the period, but also by the works of writers of the Peter the Great era and the subsequent stage.

The article describes the results of the analysis of the word order of 600 attributive phrases that are found in the panegyric text of Feofan Prokopovich *The Word in Praise of the Blessed and Ever-Worthy Memory of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All the Russia...* (1725). The article also describes the stylistic functioning of definitions involved in the creation of tropes and figures of speech.

The predominant position in attributive constructions in the panegyric of Feofan Prokopovich as a whole is the preposition of the definition: the prepositive attribute is used in at least half of the cases in the structure of binomial phrases built according to the “agreed definition + definable” model.

The predominant position in attributive constructions in the panegyric of Feofan Prokopovich is the preposition, but the prepositive attribute is used in at least half of the cases in two-word collocations.

In the panegyric of F. Prokopovich attributes are widely used as homogeneous members, lexical and syntactic repetition is observed, which promotes amplification and alternation of prepositive and postpositive attribute; the panegyrics use distant attributive collocations, while a parallel arrangement of attributes emphasizes the opposition of the expressed attributes or objects.

Attributive constructions in the 18th-century panegyrics are a stylistic means of increasing the expressiveness and creating a solemn pathos. A series of metaphorical epithets, repetition, parallelism, amplification, gradation, antithesis, other tropes and figures of speech are important research material that demonstrates the correlation between those presented in treatises on the theory of eloquence and the rhetorical practice of the era of the formation of new norms in the Russian literary language of the post-Petrine period.

Keywords: rhetoric; grammar; attributive collocations; word order; Russian literary language of the 18th century; panegyric; F. Prokopovich

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

For citation: Kazakovtseva O.S., Patroeva N.V. (2025) The Structure and Expressive Potential of Attributive Collocations in the Panegyric of Feofan Prokopovich. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4. pp. 55–68.

Введение

Русский литературный язык XVIII века характеризуется отсутствием устойчивых норм в расположении слов, которые сформировались окончательно уже позднее [Ковтунова 1969: 66–99]. Нельзя не заметить, что с течением времени в руководствах по языку и красноречию все настойчивее проводится мысль о необходимости соблюдения порядка следования «речений», однако более подробное описание словорасположения (особенно элементов атрибутивных конструкций) находим у грамматистов пушкинского периода.

Целью настоящей статьи является анализ расположения компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича «Слово на похвалу блаженные и вечнодостойные памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви Живоначальных Троицы, святейшего правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским» [Прокопович 1961: 129–146] (далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы) и выявление стилистиче-

ских средств, использующихся в системе атрибутивных словосочетаний (в терминах данной статьи — сочетаний, содержащих имена прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные в качестве определителей имен существительных как главных компонентов атрибутивной конструкции).

Суждения российских грамматистов и риториков XVIII — начала XIX века о порядке слов

Феофан Прокопович в своем трактате «Об искусстве риторическом десять книг», созданном на основе прочитанных в Киево-Могилянской академии в 1706 г. лекций, в ряду «фигур, способствующих услаждению речи» упоминает выделяемый еще античными риториками [Гаспаров 1997: 574] «гипербат» — «удобное расположение слов не в обычном или естественном порядке» [Прокопович 2020: 257]. На расположение слов не может не влиять, по замечанию Феофана Прокоповича, желание избежать таких «недостатков» речи, как «зияние гласных», «стечение свистящих согласных», тавтология, «гомеоптотон» (скопление слов с одинаковыми окончаниями), «неправильный гипербат или нескладная перестановка слов»: например, важно, «чтобы слова, относящиеся к подлежащему, не смешивались с теми, которые относятся к сказуемому» [Прокопович 2020: 222]. Даются рекомендации, касающиеся «правильного» расположения слов: «более важные слова следует ставить после менее значительных»; «следует сохранять естественный порядок слов и внушительность содержания»; «более изысканно, если двусложное прилагательное ставится после существительного с большим количеством слогов» [Прокопович 2020: 223–224] и некоторые др. Далее находим важное уточнение в написанном на латыни трактате: «Здесь имей в виду: высказанные нами правила об отдельных словах и о недостатках, встречающихся при расположении слов, относятся к выражениям любого языка. Но те образцы изящного расположения, которое наблюдаем повсюду у Цицерона, свойственны только латинскому языку; для нашего отеческого языка следует иметь в виду другое правило, которое, однако, так как он нам родной, каждому будет легко соблюдать по личному почину» [Прокопович 2020: 225] — так Ф. Прокопович призывает своих адресатов выстраивать фразу в соответствии с собственным языковым чутьем (вспомним позднее пушкинское: «сообразно» с собственным «вкусом») и коммуникативным намерением.

Позднее В.Е. Адодуров, выпускник находившейся под патронатом Феофана и тесно связанной с Киево-Могилянскими риторическими традициями Славяно-греко-латинской академии и университета при Петербургской Академии наук, в грамматическом трактате

1731 г. «Первые основания российского языка» хотя и не предлагает рекомендаций, касающихся словопорядка, но среди примеров о склонении приводит исключительно постпозитивные конструкции как аналоги перевода с немецкого языка: «свидетель праведный», «лошадь хорошая», «человек добрый», «земля плодоносная», «дерево высокое» [Адогуров 2014: 109].

Продолжатель Феофановых реформ языка и слога М.В. Ломоносов в «Российской грамматике», как и В.Е. Адогуров, не отводит отдельного параграфа описанию словорасположения, однако демонстрирует примеры «сложения» прилагательных, свидетельствующие о выборе автором препозиции определения при качественных прилагательных и постпозиции при притяжательных: «темные облаки», «красноречивый Цицерон», «стихи Гомеровы», «дом отческий» [Ломоносов 1952: 389–578]. В «Кратком руководстве к риторике...» М.В. Ломоносова нет специального раздела, посвященного инверсии или «гипербату». В первой главе части III «О расположении» не находим и специальных указаний о порядке расположения определений [Ломоносов 1952: 19–79]. В «Кратком руководстве к красноречию» содержится описание правил размещения во фразе «приложений» с причастиями, деепричастиями и именами [Ломоносов 1952] — того, что позднее А.М. Пешковским будет названо «обособленными членами предложения».

А.А. Барсов в разделе «О сочинении» своей «Российской грамматики» уделяет, в отличие от знаменитого своего предшественника, особое внимание порядку расположения слов и подчеркивает его «двоякий» характер: наряду с «общим, или естественным», порядком, который «во всех языках нужен и употребителен», так как «в расположении слов следует логическому расположению понятий: по чему, как в логическом предложении во первых объявляется подлежащее, потом сказуемое, так и в сем грамматическом порядке полагается сперва именительный падеж представляющий подлежащее..., со всеми описаниями, а потом глагол, как главное сказуемое, с своими описаниями...» [Барсов 1981: 162]. Также А.А. Барсов отмечает, что словопорядок «особенный или свободный, всегда или часто употребляемый собственно в каком языке, как на пр. в российском прилагательное по большей части поставляется прежде своего существительного: *великий человек, старый друг*, в противность общему или логическому порядку» [Барсов 1981: 163]. Далее находим еще одно пояснение: «И хотя по общему порядку словосочинения, главные слова разумеются прежде соглашаемых с ними, как: [...] *Царь сам, Госпожа разумная* [...] но особенный порядок российского словосочинения весьма часто отступает в том от общего, как на пр. всякое прилагательное, также числительное, по боль-

шей части полагается прежде своего существительного и проч. На пр. *вчерашний день, самое лучшее, четыре евангелиста, все добродетели*; употребительнее, нежели противное тому расположение, *день вчерашний, лучшее самое* и проч. [которое] хотя не отвергается, однако ж разве для особливаго выражения, или для благогласия и других риторских и стихотворческих сорассуждений употреблено быть может» [Барсов 1981: 162–163]. Терминов «гипербат» или «инверсия» А.А. Барсов, как и М.В. Ломоносов, не использует, однако замечает, что «фигура синтаксическая состоит в некотором отступлении иногда от простых и общих правил синтаксических; именно ж, когда какое-нибудь слово [для сокращения, украшения или большего подтверждения] пропущено... или в чем перемещено будет...» [Барсов 1981: 164].

Попытки подробного разбора правил словорасположения, в том числе в атрибутивных сочетаниях, находим у грамматистов пушкинского времени.

А.Х. Востоков полагает, что нормой следования слов является предшествующее положение определения, однако, по его мнению, этот порядок может измениться, если существительное с прилагательным выступают в роли сказуемого (*Это [есть] дѣло доброе*) или прилагательное является прозвищем обозначаемого лица (*Петр Великий*) [Востоков 1874: 177–178].

Н.И. Греч приводит следующий порядок «определяющих слов»: указательное местоимение, притяжательное местоимение, «обстоятельство» прилагательное, числительное и притяжательное прилагательное. К примеру: *сей ваш дом, этот первый дом, тот наш всегдашний друг, этот мой синий мешок* [Греч 1827: 435]. Н.И. Греч также отмечает, что качественные прилагательные обычно располагаются в препозиции по отношению к определяемому субстантиву. Например, *верный друг, приятная погода*. Но в отдельных случаях, таких как а) перечисление качеств существительного: *он человек честный, умный*; б) постановка «дополнения» при имени прилагательном: *Петр был Государь великий и на поле битвы, и среди мира*; в) замена качественным прилагательным придаточного ограничительного предложения: *человек непросвещенный знает только место своего жительства*; г) положение субстантивно-атрибутивного сочетания в конце предложения с логическим выделением определения: *у меня шуба медвежья*; д) положение после имен собственных, или имен, обозначающих звание, и т.д.: *Екатерина Вторая; Император Российский* — оно может располагаться и после определяемого существительного [Греч 1827: 435–438]. Все эти «отдельные» случаи касаются позиций предикативного или логически и эмфатически подчеркнутого атрибутивного употребления при-

лагательных, местоименных прилагательных, причастий и порядковых числительных.

Таким образом, рассуждения грамматистов XVIII — начала XIX века о порядке слов в основном опирались на логико-формальные критерии, однако в этих работах впервые прослеживаются попытки объяснить расположение компонентов предложения с учетом коммуникативной цели и жанрово-стилистической установки говорящего [Бурцев 2022: 67–71]. Опираясь на суждения И.И. Ковтуновой, В.А. Бурцев считает, что «учение Ломоносова о порядке слов получило, прежде всего, стилистическую интерпретацию, имевшую своей целью подчеркнуть наметившуюся в первой половине XVIII в. стилистическую дифференциацию различных схем и вариантов словорасположения» [Бурцев 2022: 73].

В силу того, что грамматики и словари отражают нормативный идеал и отстают в своих рекомендациях от речевых норм соответствующего периода, для установления деталей эволюции какого-либо феномена или приема необходим анализ памятников словесности, показывающих узусные явления в области дистрибуции компонентов высказывания, а также факторов структурного, семантического, функционально-стилистического порядка, оказывающих влияние на расположение «речений». Подобные наблюдения позволили бы прийти к важным заключениям об авторских предпочтениях в расположении атрибута, которые ясно отражают языковые тенденции определенного периода развития русского литературного языка. Это связано с тем, что формирование грамматических норм происходило под влиянием ведущих участников лингвистических споров, одновременно выступавших в роли реформаторов языка, среди которых был и участник Петровских преобразований Феофан Прокопович.

Порядок следования компонентов атрибутивных конструкций в панегирике Феофана Прокоповича

В «высоких» жанрах, к которым относится и похвальное слово, выделяется определенный набор стилистических средств в словорасположении, среди которых: различные виды дислокации и инверсии, хиазмы, амплификация, полисиндетон и пр. [Ковтунова 1969: 93, 110].

Общее количество атрибутивных конструкций, извлеченных нами методом сплошной выборки из Феофанова «Слова на похвалу... Петра Великого...», равно 600 единицам, из которых 507 — двучленные атрибутивные словосочетания (*богатства своя* (141); *в разговорах богословских* (141); *многих в народе смертей* (140); и 93 — трех-

членные (в настоящей скорби нашей (130); матери своей благодетельнейшей (135):

Таблица 1

Количественная характеристика атрибутивных словосочетаний в панегирике Ф. Прокоповича

Общее количество словосочетаний — 600												
Двучленные словосочетания 507 (85%)						Трехчленные словосочетания 93 (15%)						
препози- ция 255 (50%)		постпози- ция 222 (44%)		дистантное положение 30 (6%)		препо- зиция 53 (57%)		постпо- зиция 6 (7%)		дистантное положение 5 (5%)		интер- позиция 29 (31%)
предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	препозиция	постпозиция	предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	препозиция	постпозиция	
48 (19%)	207 (81 %)	50 (22%)	172 (78 %)	28 (93%)	2 (7%)	12 (23%)	41 (77 %)	2 (33%)	4 (67%)	4 (80%)	1 (20%)	

Как в двучленных, так и в трехчленных конструкциях преобладает препозитивное расположение атрибута: 56 % двучленных и 63 % трехчленных с препозицией определителя словосочетаний (с учетом дистантных конструкций), что подтверждает мнение грамматистов того времени о преобладании препозиции (по мнению А.С. Улитовой, определение, выраженное прилагательным, порядковым числительным, указательным и определительным местоимением, закрепилось в препозитивном положении уже к XVII веку [Улитова 2015: 108–109], например: *Петровой славы* (130); *великоименитый муже* (144); *некою силою* (132); *нашего отечества* (133); *всему миру* (134); *сей монарх* (135); *обоих сторон* (132); *сие наше долженство* (130); *прочих вышеупомянутых учениях* (135); *сие премудрейшее изрек слово* (139).

Примечательно, что влияние предлога на препозитивное положение атрибута [Минлос 2011], которое наблюдалось в древнерусских текстах XI–XIII вв. [Казаковцева 2019], в выбранном панегирике выявлено не было: так, на общее число препозитивных конструкций (255 ед.) приходится 81 % (207 ед.) беспредложных словосочетаний: *вечной памяти* (139); *великий посол* (137); *обоих народов* (134) и лишь 19 % (48 ед.) словосочетаний с предлогом: *в юношеской плоти* (135); *в одну сторону* (132); *на многих местах* (135); *в оной войне* (133).

Превалирование (77 %) беспредложных словосочетаний (*вся вышереченная повесть* (142); *неких европейских языков* (141)) над предложными (*по мнению вашему* (145); *в наших скудных сокровищах* (142)) наблюдаем и в трехчленных препозитивных конструкциях.

Итак, Феофан Прокопович еще активно прибегает к постпозиции почти в половине случаев использования согласованных определений (на это не могло не повлиять прекрасное знание латыни и польского языка, в котором атрибут-прилагательное всегда следует за определяемым словом), а потому в лингвистическом и стилистическом отношении демонстрирует явное тяготение к освященной также церковнославянскими традициями норме «высокого» жанра и стиля.

Атрибутивные словосочетания как риторико-стилистическое средство в похвальном слове Феофана

Как мы отметили ранее, анализируемое похвальное слово относится к «высокому штилю», занимавшему доминирующее положение в барочной и классицистической жанрово-стилистических системах и поэтому игравшему на протяжении всего XVIII столетия важную роль в складывании норм общелитературного языка, поэтому важной задачей считаем рассмотреть на материале данного памятника русской словесности использование атрибутивных словосочетаний в качестве стилистических средств. Далеко не все из атрибутов, использованных в панегирике, в строгом смысле можно назвать не логическими определениями, а эпитетами¹, которые Феофан предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения, которые в трактате «*De arte rhetorica libri X*» относятся к приемам, «украшающим» речь, как, например: *свирепейших моря неприятелей* (136); *сие премудрейшее изрек слово* (139) и др.

М.В. Ломоносов отмечал, что «панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального. В похвале высокия особы предлагаются похвальные жизненные свойства, которые она имеет...» [Ломоносов 1952: 70], поэтому именно в похвальных словах большое значение приобретают определения, подаваемые часто и концентрированно на относительно небольшом пространстве текста. Не случайно в панегириках Ф. Прокоповича находим большое количество атрибутов, выступающих в роли однородных членов: *в великих и трудных походах* (130); *в политическом* или

¹ Хотя сам термин «эпитет» в риторике Прокоповича встречается (см., напр.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 254, 411), однако в перечнях фигур речи эпитеты в Феофановых трактатах не упоминаются.

гражданском деле (134); гражданския, воинския и карабельныя архитектуры (135).

По мнению А.Г. Акимовой, «обильное использование однородности в ораторской прозе — одна из традиций риторического искусства» [Акимова 1981: 57]. В отношении однородности вступают не только сочиненные между собой определения, но и иные по функции члены предложения, распространенные атрибутами: *не видеть и не научиться действ математических, искусств физических, правил политических (135); Смотрим на многая заведенная от него, ово для пресечения убытков, ово и для приискания прибылей способы: на заводы минеральныя, дома монетныя, врачевския аптеки, ходстяныя, шелковыя и суконныя манифактуры, на предивныя бумажныя мельницы, на разных судов купеческих строения и иная многая у нас прежде небывалыя майстерства (136).*

Для придания большей экспрессии в ряду однородных членов используется лексический повтор, усиливающий значение повторяемого атрибута. Обращают на себя внимание предложения, в которых лексический повтор соединяется с синтаксическим и формирует параллелизм: *Петр — **сила наша**, которую и по смерти его мужествуем! Петр — **слава наша**, которую до скончания мира российский род хвалитися не престанет! (133).*

Подтверждая наблюдения И.И. Ковтуновой о препозитивном положении актуализируемых членов [Ковтунова 1969: 93, 110], отметим использование цепочек препозитивных атрибутивных словосочетаний, в которых, при нагнетании эпитетов (как одного из приемов амплификации), особо подчеркивается выражаемый ими признак. По поводу амплификации Ф. Прокопович писал: «...назначение и польза амплификации в том, чтобы придавать силу и мощь речи...» [Прокопович 2020: 137]. По мнению ратора и поэта, «речь может быть размеренной только в силу изобилия слов» — именно это является важным фактором создания речи, которая «ласкает и чарует уши» [Прокопович 2020: 210], что объясняет частоту использования цепочек атрибутов и повторов в похвальных словах.

Употребление постпозитивного атрибута находим в предложениях с церковной, «сакральной» семантикой. Таким образом, можем отметить сохранение в панегирике начала XVIII века древней традиции употребления постпозитивного атрибута при словах, обозначающих религиозные понятия [Творогов 1962]: *И хотя в шестый еще день **страдания своего**, по исповеди **грехов своих**, **тела и крови господней** причастился, но и в **подвиге оном**, вопрошен, аще паки желает **вечери Христовой**, поднятою рукою **желание свое** показав, паки сподоблен есть (145); Когда же и речь весьма оскудела, и тогда*

на частыя предложения о суете мира сего, о милосердии божии и о вечном на небеси царствовании... (145); Толика же, о слышательные, божия благостыни, к отцу нашему и в жизни и в кончине его явленная, показывают... (145).

Следует отметить, что употребление конструкций с постпозицией определения преобладает в заключительных частях похвальных слов, а следовательно — не только жанрово-стилистически, но и композиционно значимо.

Еще одно стилистическое средство, получившее широкое распространение в похвальном слове, — дистантное положение членов атрибутивного ряда. Отделение определения от определяемого иными компонентами словосочетания представлено в 6 % случаев от общего числа двучленных и 5 % от общего числа трехчленных конструкций Феофана. Разрывающим элементом в таких конструкциях выступают самостоятельные и служебные части речи, а также сочетания слов, например: такового воистину свидетельства (134); едиными воинскими токмо делами (137); божие к нему призрение (144).

Особого внимания заслуживают дистантные атрибутивные словосочетания, разрывающим элементом которых служат конструкции с именами и местоимениями, содержащими вынесенный вперед генитив. Получается некий «принцип матрешки» — одно атрибутивное словосочетание находится внутри другого: единым оружия нашего зрением (134); персональные подданных своих обиды (137); такое свое о коронации супруги своя намерение (141); бесчисленное прежних случаев множество (141). Благодаря такому распространению и создаваемой паузе перед второй («внутренней») атрибутивной конструкцией акцентируется препозитивный атрибут.

На подобных дистантных атрибутивных конструкциях (словосочетание в словосочетании) может строиться и все предложение: Но Петровы труды многия, и кроме славы, породили плоды сладкия и нам и нашим союзникам: земель наших отнятых возвращение, новых завоеванных присовокупление, твоего, польский Августе, престола возставление, твое, короно Датская, охранение, наше паки славное благополучие, вожделенный, честный и корыстный мир, мир милующаго Бога всещедры дар и обоих народов веселие (134).

Также особое место в стилистической организации похвальных слов занимает антитетическое, контрастное по смыслу и производимому впечатлению использование атрибутов: Шведская сила всей Европе была страшная, а российская едва некоею силою нарицатися могла (132).

Таким образом, на примере употребления дистантных атрибутивных конструкций мы можем наблюдать пышные, громоздкие синтаксические построения писателей петровской эпохи [Акимова 1981: 50].

Заключение

На основании проведенных наблюдений можно прийти к выводу, что в похвальном слове Феофана Прокоповича, являющемся ярким образцом ораторского жанра, атрибутивные словосочетания (в том числе и их словопорядок) широко используются в качестве стилистического средства для усиления экспрессивности выражения и придания похвальному слову торжественности звучания, что свидетельствует о сохранении в риторическом жанре эпохи начавшихся языковых реформ грамматических особенностей, восходящих к стилю «плетения словес» и еще более раннему слогу псалма или проповеди. Но при этом «высокий» риторический жанр, сохраняя преемственность традиций красноречия, уже демонстрирует формирование новых общелитературных норм, в частности, в области словопорядка: постепенное сокращение случаев постпозитивного расположения атрибута свидетельствует о превращении правосторонней локализации определения — прилагательного, причастия, местоимения — в экспрессивно-стилистическое средство, особый риторический прием (инверсию) уже в начале XVIII столетия. Концентрация атрибутов в похвальном слове выступает важным средством создания пафосной панегирической речи, активно использующей эпитеты, повторы, градацию, амплификацию как способы украшения речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адодуров В.Е. «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб., 2014.
2. Акимов Г.Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981.
3. Барсов А.А. Российская грамматика. М., 1981.
4. Бурцев В.А. Риторическое учение М.В. Ломоносова о порядке слов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. № 1. С. 65–82.
5. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1874.
6. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М., 1997.
7. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.
8. Казаковцева О.С. Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI–XIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5. С. 88–93.
9. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX века. М., 1969.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., Л., 1952.
11. Минлос Ф.Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011. С. 209–217.
12. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг. М., СПб., 2020.

13. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 277–284.
14. Улитова А.С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII века) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. № 4. Т. 1. С. 108–117.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Прокопович Ф. Сочинения. М., Л., 1961.

REFERENCES

1. Adodurov V.E. «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» ili «Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka» [«Anfangs-Gründe der russischen Sprache» or «The first foundations of Russian language»]. Saint Petersburg, *Nauka Publ., Nestor-Istoriya Publ.*, 2014. 253 p. (In Russ.)
2. Akimova G.N. Stilisticheskie i sintaksicheskie osobennosti oratorskoi prozy XVIII veka (na materiale pokhval'nykh slov Lomonosova i Sumarokova) [Stylistic and syntactic features of oratorical prose of the 18th century (based on the laudatory words of Lomonosov and Sumarokov)]. *Yazyk russkikh pisatelei XVIII veka*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 47–59. (In Russ.)
3. Barsov A.A. Rossiiskaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1981. 776 p. (In Russ.)
4. Burtsev V.A. Ritoricheskoe uchenie M. V. Lomonosova o poryadke slov [Lomonosov's Rhetorical Teaching on the Word Order]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature]. 2022. № 1, pp. 65–82. (In Russ.)
5. Vostokov A.Kh. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaya [Russian grammar by Alexander Vostokov, based on his abbreviated grammar]. Saint Petersburg, *Izдание knigoprodavtsa D. F. Fedorova*, 1874. 428 p. (In Russ.)
6. Gasparov M.L. Izbrannye trudy [Selected works. Vol. I. About poets]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury Publ.*, 1997. 664 p. (In Russ.)
7. Grech N.I. Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem [Practical lessons of Russian grammar, published by Nikolai Grech]. Saint Petersburg, *Tipografiya Imperatorskago Sanktpeterburgskago Vospitatel'nago Doma*, 1827. 578 p. (In Russ.)
8. Kazakovtseva O.S. Raspolozhenie komponentov atributivnykh konstruksii v drevnerusskikh pamyatnikakh XI–XIII vekov [The order of attributive collocations components in the Old Russian texts from the period between the XI and the XIII centuries]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2019, № 5, pp. 88–93. (In Russ.) doi: 10.15393/uchz.art.2019.357.
9. Kovtunova I.I. Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII — pervoi treti XIX veka [Word order in the Russian literary language between the XVIII and the first third of the XIX centuries]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1969. 231 p. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii [Complete collection of essays. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1952. 1000 p. (In Russ.)
11. Minlos F.R. Knyaz' velikii ili velikii knyaz': parametry var'irovaniya [Prince Grand or Grand Prince: variation parameters]. *Slova. Kontsepty. Mify. K 60-letiyu A.F. Zhuravleva*. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 209–217. (In Russ.)

12. Prokopovich F. Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig [Ten Books on Rhetorical Art]. Moscow, Saint Petersburg, *Al'yans-Arkheo Publ.*, 2020. 488 p. (In Russ.)
13. Tvorogov O.V. Traditsionnye ustoychivye slovosochetaniya v «Povesti vremennykh let» [Traditional literary formulas in The Tale of Bygone Years]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1962, vol. 18, pp. 277–284. (In Russ.)
14. Ulitova A.S. Mnogokomponentnye atributivnye slovosochetaniya v knizhnykh i delovykh tekstakh (na materiale pamyatnikov XVII veka) [Multicomponent attributive phrases in book and business texts (based on the 17th century's monuments)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2015, № 4, vol.1, pp. 108–117. (In Russ.)

SOURCE OF EXAMPLES

Prokopovich F. Sochineniya [Works]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1961. 506 p.

Поступила в редакцию 03.04.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 03.04.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Ольга Сергеевна Казаковцева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Института педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета; olga_danilova90@mail.ru

Наталья Викторовна Патроева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета; nvpatr@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Kazakovtseva — PhD, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Primary Education, Institute of Pedagogy and Psychology, Petrozavodsk State University; olga_danilova90@mail.ru

Natalya V. Patroeva — Prof. Dr., Head of Department of Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University; nvpatr@list.ru